

Сборник русских народных сказок

для детей 6-7 лет

*(в соответствии с примерным перечнем
литературных произведений по ФОП ДО)*

Василиса Прекрасная
(из сборника А.Н. Афанасьева)

В некотором царстве жил-был купец. Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала: "Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; береги ее всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью". Затем мать поцеловала дочку и померла.

После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший; за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже в годах, имела своих двух дочерей, почти одноленок Василисе, - стало быть, и хозяйка, и мать опытная. Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашел в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица; мачеха и сестры завидовали ее красоте, мучили ее всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела; совсем житья не было!

Василиса все переносила безропотно и с каждым днем все хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости, несмотря на то, что они всегда сидели сложа руки, как барыни. Как же это так делалось? Василисе помогала ее куколка. Без этого где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как все улягутся, она запрется в чуланчике, где жила, и потчевает ее, приговаривая: "На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в доме у батюшки, не вижу себе никакой радости; злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?" Куколка покушает, да потом и дает ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису; та только отдыхает в холодочке да рвет цветочки, а у нее уж и

гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка еще укажет Василисе и травку от загару. Хорошо было жить ей с куколкой.

Прошло несколько лет; Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе присватываются к Василисе; на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает: "Не выдам меньшей прежде старших!", а проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе.

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житье в другой дом, а возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила баба-яга: никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но эта всегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всем трем девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису пряхать, и всем по урокам. Погасила огонь во всем доме, оставила только одну свечку там, где работали девушки, и сама легла спать. Девушки работали. Вот нагорело на свечке; одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку. "Что теперь нам делать? - говорили девушки. - Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнем к бабе-яге!" - "Мне от булавок светло! - сказала та, что плела кружево. - Я не пойду". - "И я не пойду, - сказала та, что вязала чулок. - Мне от спиц светло!" - "Тебе за огнем идти, - закричали обе. - Ступай к бабе-яге!" - и вытолкали Василису из горницы.

Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала: "На, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнем к бабе-яге; баба-яга съест меня!" Куколка поела, и глаза ее заблестели, как две свечки. "Не бойся, Василисушка! - сказала она. Ступай, куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ничего не случится с тобой у бабы-яги". Василиса собралась, положила куколку свою в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

Идет она и дрожит. Вдруг скачет мимо ее всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый, и сбруя на коне белая, - на дворе стало рассветать.

Идет она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне, - стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка яги-бабы; забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами; вместо верея у ворот - ноги человечьи, вместо запоров - руки, вместо замка - рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная. Вдруг едет опять всадник: сам черный, одет во всем черном и на черном коне; подскакал к воротам бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился, - настала ночь. Но темнота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло, как среди дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бежать, оставалась на месте.

Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу баба-яга - в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает. Подъехала к воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала: "Фу, фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?" Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала: "Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнем к тебе". - "Хорошо, - сказала яга-баба, - знаю я их, поживи ты наперед да поработай у меня, тогда и дам тебе огня; а коли нет, так я тебя съем!" Потом обратилась к воротам и вскрикнула: "Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь; ворота мои широкие, отворитесь!" Ворота отворились, и баба-яга въехала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потом опять все заперлось. Войдя в горницу, баба-яга растянулась и говорит Василисе: "Подавай-ка сюда, что там есть в печи: я есть хочу".

Василиса зажгла лучину от тех черепов, что на заборе, и начала таскать из печки да подавать яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять; из погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съела, все выпила старуха; Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины. Стала яга-баба спать ложиться и говорит: "Когда завтра я уеду, ты смотри - двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, белье приготовь, да пойдешь в закром, возьми четверть пшеницы и очисти ее от чернушки. Да

чтоб все было сделано, а не то - съем тебя!" После такого наказа баба-яга захрапела; а Василиса поставила старухины объедки перед куклою, залилась слезами и говорила: "На, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжелую дала мне яга-баба работу и грозитя съест меня, коли всего не исполню; помоги мне!" Кукла ответила: "Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, помолися да спать ложися; утро мудреней вечера!"

Ранешенько проснулась Василиса, а баба-яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают; вот мелькнул белый всадник - и совсем рассвело. Баба-яга вышла на двор, свистнула - перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник - взошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след замечает. Осталась Василиса одна, осмотрела дом бабы-яги, подивилась изобилию во всем и остановилась в раздумье: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядит, а вся работа уже сделана; куколка выбирала из пшеницы последние зерна чернушки. "Ах ты, избавительница моя! - сказала Василиса куколке. - Ты от беды меня спасла". - "Тебе осталось только обед состряпать, - отвечала куколка, влезая в карман Василисы. - Состряпай с богом, да и отдыхай на здоровье!"

К вечеру Василиса собрала на стол и ждет бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами черный всадник - и совсем стемнело; только светились глаза у черепов. Затрещали деревья, захрустели листья - едет баба-яга. Василиса встретила ее. "Все ли сделано?" - спрашивает яга. "Изволь посмотреть сама, бабушка!" - молвила Василиса. Баба-яга все осмотрела, подсадовала, что не за что рассердиться, и сказала: "Ну, хорошо!" Потом крикнула: "Верные мои слуги, сердечные друзья, смелите мою пшеницу!" Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон из глаз. Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дала приказ Василисе: "Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли по зернышку, вишь, кто-то по злобе земли в него намешал!" Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему: "Молись богу да ложись спать; утро вечера мудренее, все будет сделано, Василисушка!"

Наутро баба-яга опять уехала в ступе со двора, а Василиса с куколкой всю работу тотчас исправили. Старуха воротилась, оглядела все и крикнула: "Верные мои слуги,

сердечные друзья, выжмите из маку масло!" Явились три пары рук, схватили мак и унесли из глаз. Баба-яга села обедать; она ест, а Василиса стоит молча. "Что ж ты ничего не говоришь со мною? сказала баба-яга. - Стоишь как немая!" - "Не смела, - отвечала Василиса, - а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чем". - "Спрашивай; только не всякий вопрос к добру ведет: много будешь знать, скоро состарешься!" - "Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде: кто он такой?" - "Это день мой ясный", - отвечала баба-яга. "Потом обогнал меня другой всадник на красном коне, сам красный и весь в красном одет; это кто такой?" - "Это мое солнышко красное!" - отвечала баба-яга. "А что значит черный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?" - "Это ночь моя темная - всё мои слуги верные!"

Василиса вспомнила о трех парах рук и молчала. "Что ж ты еще не спрашиваешь?" - молвила баба-яга. "Будет с меня и этого; сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь - состарешься". - "Хорошо, - сказала баба-яга, - что ты спрашиваешь только о том, что видела за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем! Теперь я тебя спрошу; как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?" - "Мне помогает благословение моей матери", - отвечала Василиса. "Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных". Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала: "Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его; они ведь за этим тебя сюда и прислали".

Бегом пустилась домой Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и, наконец, к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить череп: "Верно, дома, - думает себе, - уж больше в огне не нуждаются". Но вдруг послышался глухой голос из черепа: "Не бросай меня, неси к мачехе!"

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решила идти туда с черепом. Впервые встретили ее ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей -

тот погасал, как только входили с ним в горницу. "Авось твой огонь будет держаться!" - сказала мачеха. Внесли череп в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся - глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житье к одной безродной старушке; живет себе и поджидает отца. Вот как-то говорит она старушке: "Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи, купи мне льну самого лучшего; я хоть прясть буду". Старушка купила льну хорошего; Василиса села за дело, работа так и горит у нее, и пряжа выходит ровная да тонкая, как волосок. Набралось пряжи много; пора бы и за тканье приниматься, да таких берд не найдут, чтобы годились на Василисину пряжу; никто не берется и сделать-то. Василиса стала просить свою куколку, та и говорит: "Принеси-ка мне какое-нибудь старое бердо, да старый челнок, да лошадиной гривы; я все тебе смастерю".

Василиса добыла все, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный стан. К концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно. Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе: "Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе". Старуха взглянула на товар и ахнула: "Нет, дитятко! Такого полотна, кроме царя, носить некому; понесу во дворец". Пошла старуха к царским палатам да все мимо окон похаживает. Царь увидал и спросил: "Что тебе, старушка, надобно?" - "Ваше царское величество, - отвечает старуха, - я принесла диковинный товар; никому, кроме тебя, показать не хочу". Царь приказал впустить к себе старуху и как увидел полотно - вздивовался. "Что хочешь за него?" - спросил царь. "Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла". Поблагодарил царь и отпустил старуху с подарками.

Стали царю из того полотна сорочки шить; вскрыили, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их работать. Долго искали; наконец царь позвал старуху и сказал: "Умела ты на прясть и соткать такое полотно, умей из него и сорочки сшить". - "Не я, государь, пряла и соткала полотно, - сказала старуха, - это работа приемыша моего - девушки". - "Ну так пусть и сошьет она!" Воротилась старушка домой и рассказала обо всем Василисе. "Я знала, - говорит ей Василиса, - что эта работа моих рук не минует". Заперлась

в свою горницу, принялась за работу; шила она не покладывая рук, и скоро дюжина сорочек была готова.

Старуха понесла к царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Сидит себе и ждет, что будет. Видит: на двор к старухе идет царский слуга; вошел в горницу и говорит: "Царь-государь хочет видеть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить ее из своих царских рук". Пошла Василиса и явилась пред очи царские. Как увидел царь Василису Прекрасную, так и влюбился в нее без памяти. "Нет, - говорит он, - красавица моя! Не расстанусь я с тобою; ты будешь моей женою". Тут взял царь Василису за белые руки, посадил ее подле себя, а там и свадьбу сыграли. Скоро воротился и отец Василисы, порадовался об ее судьбе и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла к себе, а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.

Вежливый кот-воркот»

(обработка М. Булатова)

На лесной опушке, в маленькой избушке, жили-были старик и старушка. Не было у них ни коровы, ни свиньи, никакой скотинки, а был один кот. Кот-воркот, Котофей Котофеевич. И был тот кот жадный да вороватый: то сметанку слижет, то масло съест, то молочко выпьет. Наестся, напьется, ляжет в уголок, лапкой гладит животок, да все — «мяу» да «мяу», да все — «мало» да «мало», «мне бы оладушков да блинков, мне бы масленых пирогов».

Ну, старичок терпел, терпел, да не вытерпел: взял кота, отнес в лес да и бросил. «Живи, Кот Котофеич, как хочешь, иди, Кот Котофеич, куда знаешь».

А Кот Котофеич в мох зарылся, хвостом закрылся да и спит себе.

Ну, день прошел — Котофеичу есть захотелось. А в лесу ни сметанки, ни молока, ни блинков, ни пирогов, ничегошеньки нет. Беда! Эх ты, Котя-коток — пустой животок! Пошел котик по лесу — спина

дугой, хвост трубой, усы щеточкой. А навстречу ему Лиса Патрикеевна:

— Ах-ти мне, да ох-ти мне. Да ты кто таков, из каких краев? Спина дугой, хвост трубой, усы щеточкой?

А кот спину выгнул, раз-другой фыркнул, усы растопорщил:

— Кто я таков? Из сибирских лесов — Котофей Котофеич.

— Пойдем, миленький Котофей Котофеич, ко мне, лисоньке, в гости.

— Пойдем.

Привела его лисонька к своему крыльцу, к своему дворцу. Да давай угощать. Она ему дичинки, она ему ветчинки да воробушка.

А он:

«Мяу да мяу!»

А он:

— Мало да мало, мне бы оладушков да блинков, мне бы масленых пирогов!

Вот лиса и говорит:

— Кот Котофеич, да как же тебя такого жадного да разборчивого досыта накормить?
Пойду-ка я у соседей помощи просить.

Побежала лиса по лесу. Шубка шелковая, хвост золотой, глаз огневой — ах, хороша лисичка-сестричка!

А навстречу ей волк:

— Здравствуй, кумушка-лисонька, куда бежишь, за чем спешишь, об чем хлопочешь?

— Ой, не спрашивай, не задерживай, волк-куманек, мне недосуг.

А волк ей:

— Скажи, кумушка, что надобно, может, я помогу.

— Ах, волк-куманек, приехал ко мне любименький браток из дальних краев, из сибирских лесов — Котофей Котофеич.

— А нельзя ли, кумушка, посмотреть на него?

— Можно, волчище, серый бочище, только он сильно сердитый. К нему без подарка не подходи — шкуру сдерет.

— А я, кумушка, ему барана притащу.

— Барана ему маловато. Ну да ладно. Я за тебя, куманек, похлопочу, может, он к тебе и выйдет.

И побежала лисонька дальше. Шубка шелковая, хвост золотой, глаз огневой — ах, хороша лисичка-сестричка!

А навстречу ей медведь:

— Здравствуй, лисонька, здравствуй, кумушка, здравствуй, красавица! Ты куда бежишь, за чем спешишь, о чем хлопочешь?

— Ой, не спрашивай, не задерживай, Михайло Михайлович, мне недосуг.

— Скажи, кумушка, что надобно, может, я помогу.

— Ах, Михайло Михайлович! Приехал ко мне любименький браток из дальних краев, из сибирских лесов — Котофей Котофеич.

— А нельзя ли, кумушка, посмотреть на него?

— Ой, Мишенька, Кот Котофеич у меня сердитый: кто не понравится, сейчас съест. К нему без подарка и не подходи.

— Я ему быка принесу.

— То-то! Только ты, Мишенька, быка под сосну, сам на сосну, не кряхти, тихохонько седи. А то он тебя съест.

Лиса хвостиком махнула и была такова.

Ну вот, на другой день волк да медведь и притащили к лисонькиному дому подарки — барана да быка.

Сложили подарки под сосну да давай спорить.

— Ступай, волчище, серый хвостище, зови лису с братом, — медведь говорит, а сам дрожит, кота боится.

А волк ему:

— Нет, Мишенька, иди сам, ты побольше да потолще, тебя труднее съесть.

Друг за дружку прячутся, идти не хотят. Откуда ни возьмись, бежит заяц-зайчишка, коротенький хвостишка.

А Мишка на него:

— Стой.

Стал зайчишка. Сам дрожит, зубами стучит, хвостиком подрагивает.

— Ступай, зайчишка, коротенький хвостишка, к Лисе Патрикеевне. Скажи, что мы их с братом поджидаем.

Зайка и побежал.

А волк-волчище скулит, дрожит:

— Михайло Михайлович, я маленький, спрячь меня!

Ну, Мишка его в кусты и спрятал. А сам на сосну залез, на самую маковку.

Вот лиса двери раскрыла, на порог ступила и кричит:

— Собирайтесь, звери лесные, малые и большие, посмотрите, каков из сибирских лесов Котофей Котофеич!

Да и вышел Кот Котофеич: спина дугой, хвост трубой, усы щеточкой.

Увидел его медведь и шепчет волку:

— Тьфу какой зверишка — маленький, поганенький!

А кот увидел мясо, да как прыгнет, как начнет мясо рвать!

— Мяу да мяу, мало да мало, мне бы оладушков да блинков, мне бы масленых пирогов!

Медведь так и затрясся от страха:

— Ой, беда! Мал да силен, силен да жаден — быка ему мало. Как бы меня не съел!

Сидит Мишка, дрожит, всю сосну качает.

Хочется и волку на диковинного зверя взглянуть. Зашевелился под листьями, а кот думает — мышь.

Как бросится, ка-ак прыгнет, когти выпустил — прямо волку в нос!

Волк — бежать. Кот волка увидел, испугался, да прыг на сосну. Все выше, выше забирается. А на сосне медведь.

«Беда, — думает, — волка съел, до меня добирается!»

Задрожал, ослабел, да как брякнется с дерева, все бока отбил. Наутек пустился. А лиса хвостом вертит, им вслед кричит:

— А вот он вам задаст, вот он вас съест! Погодите-ка, подождите-ка!

Ну с той поры все звери стали кота бояться. Стали ему дань носить. Кто — дичинки, кто — ветчинки, кто — оладушков, кто — масленых пирогов. Принесут, под сосну положат — да бежать. Ох, хорошо зажил серый коток, лисичкин браток, из сибирских лесов Кот Котофеич, что спина дугой, хвост трубой, усы щеточкой.

Вот и сказка вся, больше плести нельзя. Сказке конец, а мне березовый ларец. В ларце плошки да ложки, губные гармошки: петь-плясать да поживать, нашу сказочку похваливать.

Иван Царевич и Серый Волк»

(обработка А.Н. Толстого)

Жил-был царь Берендей, у него было три сына, младшего звали Иваном.

И был у царя сад великолепный; росла в том саду яблоня с золотыми яблоками.

Стал кто-то царский сад посещать, золотые яблоки воровать. Царю жалко стало свой сад. Посылает он туда караулы. Никакие караулы не могут уследить похитника.

Царь перестал и пить и есть, затосковал. Сыновья отца утешают:

— Дорогой наш батюшка, не печалься, мы сами станем сад караулить.

Старший сын говорит:

— Сегодня моя очередь, пойду стеречь сад от похитника.

Отправился старший сын. Сколько ни ходил с вечера, никого не уследил, припал на мягкую траву и уснул.

Утром царь его спрашивает:

— Ну-ка, не обрадуешь ли меня: не видал ли ты похитника?

— Нет, родимый батюшка, всю ночь не спал, глаз не смыкал, а никого не видал.

На другую ночь пошел средний сын караулить и тоже проспал всю ночь, а наутро сказал, что не видал похитника.

Наступило время младшего брата идти стеречь. Пошел Иван-царевич стеречь отцов сад и даже присесть боится, не то что прилечь. Как его сон задолит, он росой с травы умоется, сон и прочь с глаз.

Половина ночи прошла, ему и чудится: в саду свет. Светлее и светлее. Весь сад осветило. Он видит — на яблоню села Жар-птица и клюет золотые яблоки.

Иван-царевич тихонько подполз к яблоне и поймал птицу за хвост. Жар-птица встрепенулась и улетела, осталось у него в руке одно перо от ее хвоста.

Наутро приходит Иван-царевич к отцу.

— Ну что, дорогой мой Ваня, не видал ли ты похитника?

— Дорогой батюшка, поймать не поймал, а проследил, кто наш сад разоряет. Вот от похитника память вам принес. Это, батюшка, Жар-птица.

Царь взял это перо и с той поры стал пить, и есть, и печали не знать. Вот в одно прекрасное время ему и раздумалось об этой об Жар-птице.

Позвал он сыновей и говорит им:

— Дорогие мои дети, оседлали бы вы добрых коней, поездили бы по белу свету, места познавали, не напали бы где на Жар-птицу.

Дети отцу поклонились, оседлали добрых коней и отправились в путь-дорогу: старший в одну сторону, средний в другую, а Иван-царевич в третью сторону.

Ехал Иван-царевич долго ли, коротко ли. День был летний. Приустал Иван-царевич, слез с коня, спутал его, а сам свалился спать.

Много ли, мало ли времени прошло, пробудился Иван-царевич, видит — коня нет. Пошел его искать, ходил, ходил и нашел своего коня — одни кости обглоданные.

Запечалился Иван-царевич: куда без коня идти в такую даль?

«Ну что же, — думает, — взялся — делать нечего».

И пошел пеший.

Шел, шел, устал до смерточки.

Сел на мягкую траву и пригорюнился, сидит.

Откуда ни возьмись, бежит к нему серый волк:

— Что, Иван-царевич, сидишь пригорюнился, голову повесил?

— Как же мне не печалиться, серый волк? Остался я без доброго коня.

— Это я, Иван-царевич, твоего коня съел... Жалко мне тебя! Расскажи, зачем в даль поехал, куда путь держишь?

— Послал меня батюшка поехать по белу свету, найти Жар-птицу.

— Фу, фу, тебе на своем добром коне в три года не доехать до Жар-птицы. Я один знаю, где она живет. Так и быть — коня твоего съел, буду тебе служить верой-правдой. Садись на меня да держись крепче.

Сел Иван-царевич на него верхом, серый волк и поскакал — синие леса мимо глаз пропускает, озера хвостом замечает. Долго ли, коротко ли, добегают они до высокой крепости. Серый волк и говорит:

— Слушай меня, Иван-царевич, запоминай: полезай через стену, не бойся — час удачный, все сторожа спят. Увидишь в тереме окошко, на окошке стоит золотая клетка, а в клетке сидит Жар-птица. Ты птицу возьми, за пазуху положи, да смотри клетки не трогай!

Иван-царевич через стену перелез, увидел этот терем — на окошке стоит золотая клетка, в клетке сидит Жар-птица. Он птицу взял, за пазуху положил, да засмотрелся на клетку. Сердце его и разгорелось: «Ах, какая — золотая, драгоценная! Как такую не взять!» И забыл, что волк ему наказывал. Только дотронулся до клетки, пошел по крепости звук: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа пробудились, схватили Ивана-царевича и повели его к царю Афрону.

Царь Афрон разгневался и спрашивает:

— Чей ты, откуда?

— Я царя Берендея сын, Иван-царевич.

— Ай, срам какой! Царский сын да пошел воровать.

— А что же, когда ваша птица летала, наш сад разоряла?

— А ты бы пришел ко мне, по совести попросил, я бы ее так отдал, из уважения к твоему родителю, царю Берендею. А теперь по всем городам пушу нехорошую славу про вас... Ну да ладно, сослужишь мне службу, я тебя прощу. В таком-то царстве у царя Кусмана есть конь златогривый. Приведи его ко мне, тогда отдам тебе Жар-птицу с клеткой.

Загорюнился Иван-царевич, идет к серому волку. А волк ему:

— Я же тебе говорил, не шевели клетку! Почему не слушал мой наказ?

— Ну, прости же ты меня, прости, серый волк.

— То-то, прости... Ладно, садись на меня. Взятся за гуж, не говори, что не дюж.

Опять поскакал серый волк с Иваном-царевичем. Долго ли, добегают они до той крепости, где стоит конь златогривый.

— Полезай, Иван-царевич, через стену, сторожа спят, иди на конюшню, бери коня, да смотри уздечку не трогай!

Иван-царевич перелез в крепость, там все сторожа спят, зашел на конюшню, поймал коня золотогривого, да позарился на уздечку — она золотом, дорогими камнями убрана; в ней золотогривому коню только гулять.

Иван-царевич дотронулся до уздечки, пошел звук по всей крепости: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа проснулись, схватили Ивана-царевича и повели к царю Кусману.

— Чей ты, откуда?

— Я Иван-царевич.

— Эка, за какие глупости взялся — коня воровать! На это простой мужик не согласится. Ну ладно, прощу тебя, Иван-царевич, если сослужишь мне службу. У царя Далмата есть дочь Елена Прекрасная. Похить ее, привези ко мне, подарю тебе золотогривого коня с уздечкой.

Еще пуще пригорюнился Иван-царевич, пошел к серому волку.

— Говорил я тебе, Иван-царевич, не трогай уздечку! Не послушал ты моего наказа.

— Ну, прости же меня, прости, серый волк.

— То-то, прости... Да уж ладно, садись мне на спину.

Опять поскакал серый волк с Иваном-царевичем. Добегают они до царя Далмата. У него в крепости в саду гуляет Елена Прекрасная с мамушками, нянюшками. Серый волк говорит:

— В этот раз я тебя не пущу, сам пойду. А ты ступай обратно путем-дорогой, я тебя скоро нагоню.

Иван — царевич пошел обратно путем-дорогой, а серый волк перемахнул через стену — да в сад. Засел за куст и глядит: Елена Прекрасная вышла со своими мамушками, нянюшками. Гуляла, гуляла и только приотстала от мамушек и нянюшек, серый волк ухватил Елену Прекрасную, перекинул через спину — и наутек.

Иван-царевич идет путем-дорогой, вдруг настигает его серый волк, на нем сидит Елена Прекрасная. Обрадовался Иван-царевич, а серый волк ему:

— Садись на меня скорей, как бы за нами погони не было.

Помчался серый волк с Иваном-царевичем, с Еленой Прекрасной обратной дорогой — синие леса мимо глаз пропускает, реки, озера хвостом замечает. Долго ли, коротко ли, добегают они до царя Кусмана. Серый волк спрашивает:

— Что, Иван-царевич, приумолк, пригорюнился?

— Да как же мне, серый волк, не печалиться? Как расстанусь с такой красотой? Как Елену Прекрасную на коня буду менять?

Серый волк отвечает:

— Не разлучу я тебя с такой красотой — спрячем ее где-нибудь, а я обернусь Еленой Прекрасной, ты и веди меня к царю.

Тут они Елену Прекрасную спрятали в лесной избушке. Серый волк перевернулся через голову и сделался точь-в-точь Еленой Прекрасной. Повел его Иван-царевич к царю Кусману. Царь обрадовался, стал его благодарить:

— Спасибо тебе, Иван-царевич, что достал мне невесту. Получай златогривого коня с уздечкой.

Иван-царевич сел на этого коня и поехал за Еленой Прекрасной. Взял ее, посадил на коня, и едут они путем-дорогой.

А царь Кусман устроил свадьбу, пировал весь день до вечера, а как надо было спать ложиться, повел он Елену Прекрасную в спальню, да только лег с ней на кровать, глядит — волчья морда вместо молодой жены! Царь со страху свалился с кровати, а волк удрал прочь.

Нагоняет серый волк Ивана-царевича и спрашивает:

— О чем задумался, Иван-царевич?

— Как же мне не думать? Жалко расставаться с таким сокровищем — конем златогривым, менять его на Жар-птицу.

— Не печалься, я тебе помогу.

Вот доезжают они до царя Афрона. Волк и говорит:

— Этого коня и Елену Прекрасную ты спрячь, а я обернусь конем златогривым, ты меня и веди к царю Афрону.

Спрятали они Елену Прекрасную и златогривого коня в лесу. Серый волк перекинулся через спину, обернулся златогривым конем. Иван-царевич повел его к царю Афрону. Царь обрадовался и отдал ему Жар-птицу с золотой клеткой.

Иван-царевич вернулся пешком в лес, посадил Елену Прекрасную на златогривого коня, взял золотую клетку с Жар-птицей и поехал путем-дорогой в родную сторону.

А царь Афрон велел подвести к себе дареного коня и только хотел сесть на него — конь обернулся серым волком. Царь со страху где стоял, там и упал, а серый волк пустился наутек и скоро догнал Ивана-царевича.

— Теперь прощай, мне дальше идти нельзя.

Иван-царевич слез с коня и три раза поклонился до земли, с уважением отблагодарил серого волка. А тот говорит:

— Не навек прощайся со мной, я еще тебе пригожусь.

Иван-царевич думает: «Куда же ты еще пригодишься? Все желанья мои исполнены». Сел на златогривого коня, и опять поехали они с Еленой Прекрасной, с Жар-птицей. Доехал он до своих краев, вздумалось ему пополдневать. Было у него с собой немного хлебушка. Ну, они поели, ключевой воды попили и легли отдыхать.

Только Иван-царевич заснул, наезжают на него его братья. Ездили они по другим землям, искали Жар-птицу, вернулись с пустыми руками. Наехали и видят — у Ивана-царевича все добыто. Вот они и сговорились:

— Давай убьем брата, добыча вся будет наша.

Решились и убили Ивана-царевича. Сели на златогривого коня, взяли Жар-птицу, посадили на коня Елену Прекрасную и устроили ее:

— Дома не сказывай ничего!

Лежит Иван-царевич мертвый, над ним уже вороны летают. Откуда ни возьмись, прибежал серый волк и схватил ворона с вороненком.

— Ты лети-ка, ворон, за живой и мертвой водой. Принесешь мне живой и мертвой воды, тогда отпущу твоего вороненка.

Ворон, делать нечего, полетел, а волк держит его вороненка. Долго ли ворон летал, коротко ли, принес он живой и мертвой воды. Серый волк спрыснул мертвой водой раны Ивану-царевичу, раны зажили; спрыснул его живой водой — Иван-царевич ожил.

— Ох, крепко же я спал!..

— Крепко ты спал, — говорит серый волк. — Кабы не я, совсем бы не проснулся. Родные братья тебя убили и всю добычу твою увезли. Садись на меня скорей!

Поскакали они в погоню и настигли обоих братьев. Тут их серый волк растерзал и клочки по полю разметал.

Иван-царевич поклонился серому волку и простился с ним навечно.

Вернулся Иван-царевич домой на коне златогривом, привез отцу своему Жар-птицу, а себе — невесту, Елену Прекрасную.

Царь Берендей обрадовался, стал сына спрашивать. Стал Иван-царевич рассказывать, как помог ему серый волк достать добычу, да как братья убили его, сонного, да как серый волк их растерзал.

Погоревал царь Берендей и скоро утешился. А Иван-царевич женился на Елене Прекрасной, и стали они жить-поживать да горя не знать.

«Зимовье зверей»

(сказка в обработке А.Н. Толстого)

У старика со старухой были бык, баран, гусь да петух и свинья.

Вот старик и говорит старухе:

— А что, старуха, с петухом-то нам нечего делать, зарежем его к празднику!

— Так что ж, зарежем.

Услышал это петух и ночью в лес убежал. На другой день старик искал, искал — не мог найти петуха.

Вечером опять говорит старухе:

— Не нашел я петуха, придется нам свинью заколоть!

— Ну, заколи свинью.

Услышала это свинья и ночью в лес убежала.

Старик искал, искал свинью — не нашел.

— Придется барана резать!

— Ну что ж, зарежь.

Баран услышал это и говорит гусю:

— Убежим в лес, а то зарежут и тебя и меня!

И убежали баран с гусем в лес.

Вышел старик на двор — нет ни барана, ни гуся. Искал, искал — не нашел:

— Что за чудо! Вся скотина извелась, один бык остался. Придется, видно, быка резать!

— Ну что ж, зарежь.

Услышал это бык и убежал в лес.

Летом в лесу привольно. Живут беглецы — горя не знают. Но прошло лето, пришла и зима.

Вот бык пошел к барану:

— Как же, братцы, товарищи? Время приходит студеное — надо избу рубить.

Баран ему отвечает:

— У меня шуба теплая, я и так прозимую.

Пошел бык к свинье:

— Пойдем, свинья, избу рубить!

— А по мне хоть какие морозы — я не боюсь: заруюсь в землю и без избы прозимую.

Пошел бык к гусю:

— Гусь, пойдем избу рубить!

— Нет, не пойду. Я одно крыло постелю, другим накроюсь — меня никакой мороз не проймет.

Пошел бык к петуху:

— Давай избу рубить!

— Нет, не пойду. Я зиму и так под елью просижу.

Бык видит: дело плохо. Надо одному хлопотать.

— Ну, — говорит, — вы как хотите, а я стану избу ставить.

И срубил себе избушку один. Затопил печку и полеживает, греется.

А зима завернула холодная — стали пробирать морозы. Баран бегал, бегал, согреться не может — и пошел к быку.

— Бэ-э!.. Бэ-э! Пусти меня в избу!

— Нет, баран. Я тебя звал избу рубить, так ты сказал, что у тебя шуба теплая, ты и так прозимуешь.

— А коли не пустишь, я разбежусь, вышибу дверь с крючьев, тебе же будет холоднее.

Бык думал, думал: «Дай пуцу, а то застудит он меня».

— Ну, заходи.

Баран вошел в избу и перед печкой на лавочку лег.

Немного погода прибежала свинья:

— Хрю! Хрю! Пусти меня, бык, погреться!

— Нет, свинья. Я тебя звал избу рубить, так ты сказала, что тебе хоть какие морозы — ты в землю зароешься.

— А не пустишь, я рылом все углы подрою, твою избу уроню!

Бык подумал-подумал: «Подроем она углы, уронит избу».

— Ну, заходи.

Забегала свинья в избу и забралась в подполье.

За свиньей гусь летит:

— Гагак! Гагак! Бык, пусти меня погреться!

— Нет, гусь, не пущу! У тебя два крыла, одно подстелешь, другим оденешься — и так прозимуешь.

— А непустишь, так я весь мох из стен вытереблю!

Бык подумал-подумал и пустил гуся. Зашел гусь в избу и сел на шесток.

Немного погодя прибегает петух.

— Ку-ка-ре-ку! Бык, пусти меня в избу.

— Нет, не пущу, зимуй в лесу, под елью.

— А непустишь, так я взлечу на чердак, всю землю с потолка сгребу, в избу холода напущу.

Бык пустил и петуха. Взлетел петух в избу, сел на брус и сидит.

Вот они живут себе — впятером — поживают. Узнали про это волк и медведь.

— Пойдем, — говорят, — в избушку, всех поедим, сами станем там жить.

Собрались и пришли. Волк говорит медведю:

— Иди ты вперед, ты здоровый.

— Нет, я ленив, ты шустрее меня, иди ты вперед.

Волк и пошел в избушку. Только вошел — бык рогами его к стене и припер. Баран разбежался — да бац, бац, начал осаживать волка по бокам. А свинья в подполье кричит:

— Хрю-хрю-хрю! Ножи точу, топоры точу, живого съест волка хочу!

Гусь его за бока щиплет, а петух бегаёт по брусам да кричит:

— А вот как, да кудак, да подайте его сюда! И ножишко здесь и гужишко здесь...

Здесь его и зарежу, здесь его и подвешу!

Медведь услышал крик да бежать. А волк рвался, рвался, насилу вырвался, догнал медведя и рассказывает:

— Ну что мне было! До смерти чуть не забили... Как вскочил мужичище, в черном армячище, да меня ухватом-то к стене и припер. А поменьше мужичишка, в сереньком армячишке, меня обухом по бокам, да все обухом по бокам. А еще поменьше того, в

беленьком кафтанишке, меня щипцами за бока хватал. А самый маленький мужичишка, в красеньком халатишке, бегаёт по бруссу да кричит: «А вот как, да кудак, да подайте его сюда! И ножишко здесь и гужишко здесь... Здесь его и зарежу, здесь его и подвешу!» А из подполья ещё кто-то как закричит: «Ножи точу, топоры точу, живого съестъ его хочу!»

Волк и медведь с той поры к избушке близко не подходили.

А бык, баран, гусь да петух и свинья живут там, поживают и горя не знают.

Кощей Бессмертный»
(из сборника А.Н. Афанасьева)

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у этого царя было три сына, все они были на возрасте. Только мать их вдруг унес Кош Бессмертный. Старший сын и просит у отца благословенье искать мать. Отец благословил; он уехал и без вести пропал. Средний сын пождал-пождал, тоже выпросился у отца, уехал, - и тот без вести пропал. Малый сын, Иван-царевич, говорит отцу: "Батюшка! Благословляй меня искать матушку". Отец не отпускает, говорит: "Тех нет братовей, да и ты уедешь: я с кручины умру!" - "Нет, батюшка, благословишь - поеду, и не благословишь - поеду". Отец благословил.

Иван-царевич пошел выбирать себе коня: на которого руку положит, тот и падет; не мог выбрать себе коня, идет дорогой по городу, повесил голову. Неоткуда взялась старуха, спрашивает: "Что, Иван-царевич, повесил голову?" - "Уйди, старуха! На руку положу, другой пришлепну - мокренько будет". Старуха обежала другим переулком, идет опять навстречу, говорит: "Здравствуй, Иван-царевич! Что повесил голову?" Он и думает: "Что же старуха меня спрашивает? Не поможет ли мне она?" И говорит ей: "Вот, бабушка, не могу найти себе доброго коня". - "Дурашка, мучишься, а старухе не кучишься! - отвечает старуха. - Пойдем со мной". Привела его к горе, указала место: "Скапывай эту землю". Иван-царевич скопал, видит чугунную доску на двенадцати замках; замки он тотчас же сорвал и двери отворил, вошел под землю: тут прикован на двенадцати цепях богатырский конь; он, видно, услышал ездока по себе, заржал забился, все двенадцать цепей порвал. Иван-царевич надел на себя богатырские доспехи, надел на коня узду, черкасское седло, дал старухе денег и сказал: "Благословляй и прощай, бабушка!" Сам сел и поехал.

Долго ездил, наконец доехал до горы; преобладающая гора, крутая, взъехать на нее никак нельзя. Тут и братья его ездят возле горы; поздоровались, поехали вместе; доезжают до чугунного камня пудов в полтора, на камне надпись: кто этот камень бросит на гору, тому и ход будет. Старшие братовья не могли поднять камень, а Иван-царевич с одного маху забросил на гору - и тотчас в горе показалась лестница. Он оставил коня, наточил из мизинца в стакан крови, подает братьям и говорит: "Ежели в стакане кровь почернеет, не

ждите меня: значит - я умру!" Простился и пошел. Зашел на гору; чего он не насмотрелся! Всяки тут леса, всяки ягоды, всяки птицы!

Долго шел Иван-царевич, дошел до дому: огромный дом! В нем жила царска дочь, утащена Кошеем Бессмертным. Иван-царевич кругом ограды ходит, а дверей не видит. Царская дочь увидела человека, вышла на балкон, кричит ему: "Тут, смотри, у ограды есть щель, потрешь ее мизинцем, и будут двери". Так и сделалось. Иван-царевич вошел в дом. Девушка его приняла, напоила-накормила и расспросила. Он ей рассказал, что пошел доставать мать от Коша Бессмертного. Девушка говорит ему на это: "Трудно достигать мать, Иван-царевич! Он ведь бессмертный - убьет тебя. Ко мне он часто ездит... вон у него меч в пятьсот пудов, поднимешь ли его? Тогда ступай!" Иван-царевич не только поднял меч, еще бросил кверху; сам пошел дальше,

Приходит к другому дому; двери знает как искать; вошел в дом, а тут его мать, обнялись, поплакали. Он и здесь испытал свои силы, бросил какой-то шарик в полторы тысячи пудов. Время приходит быть Кошу Бессмертному; мать спрятала его. Вдруг Кош Бессмертный входит в дом и говорит: "Фу, фу! Русской кошки слыхом не слыхать, видом не видать, а русская кошка сама на двор пришла! Кто у тебя был? Не сын ли?" - "Что ты, бог с тобой! Сам летал по Руси, нахватался русского духу, тебе и мерещится", - ответила мать Ивана-царевича, а сама поближе с ласковыми словами к Кошу Бессмертному, выспрашивает то-другое и говорит: "Где же у тебя смерть, Кош Бессмертный?" - "У меня смерть, - говорит он, - в таком-то месте: там стоит дуб, под дубом ящик, в ящике заяц, Б зайце утка, в утке яйцо, в яйце моя смерть". Сказал это Кош Бессмертный, побыл немного и улетел.

Пришло время - Иван-царевич благословился у матери, отправился по смерти Коша Бессмертного. Идет дорогой много время, не пивал, не едал, хочет есть до смерти и думает: кто бы на это время попался! Вдруг - волчонок; он хочет его убить. Выскакивает из норы волчица и говорит: "Не тронь моего детища; я тебе пригожусь". - "Быть так!" Иван-царевич отпустил волка; идет дальше, видит ворону. "Постой, - думает, - здесь я закушу"! Зарядил ружье, хочет стрелять; ворона и говорит: "Не тронь меня; я тебе пригожусь". Иван-царевич подумал и отпустил ворону; идет дальше, доходит до моря, остановился на берегу. В это

время вдруг взметался щучонок и выпал на берег; он его схватил, есть хочет смертно - думает: "Вот теперь поем!" Неоткуда взялась щука, говорит: "Не тронь, Иван-царевич, моего детища; я тебе пригожусь". Он и щучонка отпустил.

Как пройти море? Сидит на берегу да думает; щука ровно знала его думу, легла поперек моря. Иван-царевич прошел по ней как по мосту; доходит до дуба, где была смерть Коша Бессмертного, достал ящик, отворил - заяц выскочил и побежал. Где тут удержать зайца! Испугался Иван-царевич, что отпустил зайца, призадумался, а волк, которого не убил он, кинулся за зайцем, поймал и несет к Ивану-царевичу. Он обрадовался, схватил зайца, распорол его и как-то оробел: утка спорхнула и полетела. Он пострелял, пострелял - мимо! Задумался опять. Неоткуда взялась ворона с воронятами и ступай за уткой, поймала утку, принесла Ивану-царевичу. Царевич обрадел, достал яйцо; пошел, доходит до моря, стал мыть яичко, да и ронил в воду. Как достать из моря? Безмерна глубь! Закручинился опять царевич. Вдруг море встрепенулось - и щука принесла ему яйцо; потом легла поперек моря. Иван-царевич прошел по ней и отправился к матери; приходит, поздоровались, и она его опять спрятала. В то время прилетел Кош Бессмертный и говорит: "Фу, фу! Русской коски слыхом не слыхать, видом не видать, а здесь Русью несет!" - "Что ты, Кош? У меня никого нет", - отвечала мать Ивана-царевича. Кош опять и говорит: "Я что-то не могу!", а Иван-царевич пожимал яичко; Коша Бессмертного от того коробило. Наконец Иван-царевич вышел, кажет яйцо и говорит: "Вот, Кош Бессмертный, твоя смерть!" Тот на коленки против него и говорит: "Не бей меня, Иван-царевич, станем жить дружно; нам весь мир будет, покорен". Иван-царевич не обольстился его словами, раздавил яичко - и Кош Бессмертный умер.

Взяли они, Иван-царевич с матерью, что было нужно, пошли на родиму сторону: по пути зашли за царской дочерью, к которой Иван-царевич заходил вперед, взяли и ее с собой; пошли дальше, доходят до горы, где братья Ивана-царевича все ждут. Девушка говорит: "Иван-царевич! Воротись ко мне в дом; я забыла подвенечно платье, брильянтовый перстень и нешитые башмаки". Между тем он спустил мать и царску дочь, с коей они условились дома обвенчаться; братья приняли их, да взяли спуск и перерезали, чтобы Ивану-царевичу нельзя было спуститься, мать и девушку как-то угрозами уговорили,

чтобы дома про Ивана-царевича не сказывали. Прибыли в свое царство; отец обрадовался детям и жене, только печалился об одном Иване-царевиче.

А Иван-царевич воротился в дом своей невесты, взял обручальный перстень, подвенечно платье и нешитые башмаки; приходит на гору, метнул с руки на руку перстень. Явилось двенадцать молодцов, спрашивают: "Что прикажете?" - "Перенесите меня вот с этой горы". Молодцы тотчас его спустили. Иван-царевич надел перстень - их не стало; пошел в свое царство, приходит в тот город, где жил его отец и братья, остановился у одной старушки и спрашивает: "Что, бабушка, нового в вашем царстве?" - "Да чего, дитятко! Вот наша царица была в плену у Кощея Бессмертного; ее искали три сына, двое нашли и воротились, а третьего, Ивана-царевича, нет, и не знают, где. Царь кручинится об нем. А эти царевичи с матерью привезли какую-то царску дочь, большак жениться на ней хочет, да она посылает наперед куда-то за обручальным перстнем или велит сделать такое же кольцо, какое ей надо; колдася уж кличут клич, да никто не выискивается". - "Ступай, бабушка, скажи царю, что ты сделаешь; а я пособлю", - говорит Иван-царевич.

Старуха в кою пору скрутилась, побежала к царю и говорит: "Ваше царско величество! Обручальный перстень я сделаю". - "Сделай, сделай, бабушка! Мы таким людям рады, - говорит царь, - а если не сделаешь, то голову на плаху". Старуха перепугалась, пришла домой, заставляет Ивана-царевича делать перстень, а Иван-царевич спит, мало думает; перстень готов. Он шутит над старухой, а старуха трясется вся, плачет, ругает его: "Вот ты, - говорит, - сам-от в стороне, а меня, дуру, подвел под смерть". Плакала, плакала старуха и уснула. Иван-царевич встал поутру рано, будит старуху: "Вставай, бабушка, да ступай понеси перстень, да смотри: больше одного червонца за него не бери. Если спросят, кто сделал перстень, скажи: сама; на меня не сказывай!" Старуха обрадовалась, снесла перстень; невесте понравился: "Такой, - говорит, - и надо!" Вынесла ей полно блюдо золота; она взяла один только червонец. Царь говорит: "Что, бабушка, мало берешь?" - "На что мне много-то, ваше царско величество! После понадобятся - ты же мне дашь". Пробаяла это старуха и ушла.

Прошло там сколько время - вести носятся, что невеста посылает жениха за подвенечным платьем или велит сшить такое же, како ей надо. Старуха и тут успела (Иван-царевич помог), снесла подвенечное платье. После снесла нешитые башмаки, а червонец брала по одному и сказывала: эти вещи сама делает. Слышат люди, что у царя в такой-то день свадьба; дождались и того дня. А Иван-царевич старухе заказал: "Смотри, бабушка, как невесту привезут под венец, ты скажи мне". Старуха время не пропустила. Иван-царевич тотчас оделся в царское платье, выходит: "Вот, бабушка, я какой!" Старуха в ноги ему. "Батюшка, прости, я тебя ругала!" - "Бог простит". Приходит в церковь. Брата его еще не было. Он стал в ряд с невестой; их обвенчали и повели во дворец. На дороге попадается навстречу жених, большой брат, увидел, что невесту ведут с Иваном-царевичем, ступай-ка со стыдом обратно. Отец обрадовался Ивану-царевичу, узнал о лукавстве братьев и, как отпировали свадьбу, больших сыновей разослал в ссылку, а Ивана-царевича сделал наследником.

Рифмы»

(авторизованный пересказ Б.В. Шергина)

Шиш по своим делам в город пошел. Дело было летом, жарко. Впереди едет дядька на лошади. Шиш устал, ему хочется на лошадке подъехать. Он и кричит этому дядьке:

— Здравствуйте, Какой-то-Какойтович!

Дядька не расслышал, как его назвали, только понял, что по имени и отчеству. Он и кричит Шишу:

— Здравствуйте, молодой человек!

А Шиш опять:

— Как супруга ваша поживает, как деточки?

Дядька говорит:

— Благодарим вас, хорошо живут. А если вы знакомый, так присаживайтесь на телегу, подвезу вас.

Шишу то и надо, сел рядом с дядькой. А Шиш молча сидеть не может. Он только тогда молчит, когда спит.

Он говорит:

— Дяденька, давайте играть в рифмы.

— Это что такое — рифмы?

— А давайте так говорить, чтоб складно было.

— Давай.

— Вот, дяденька, как твоего папашу звали?

— Моего папашу звали Кузьма.

Шиш говорит:

Я твоего Кузьму

За бороду возьму!

Дядька говорит:

— Это зачем же ты моего папашу за бороду брать будешь?

Шиш говорит:

— Это, дяденька, для рифмы. Ты скажи, как твоего дедушку звали.

— Моего дедушку звали Иван.

Шиш говорит:

Твой дедушка Иван

Посадил кошку в карман.

Кошка плачет и рыдает,

Твоо дедушку ругает.

Дядька разгорячился:

— Это зачем мой дедушка будет кошку в карман сажать? Ты зачем такие пустяки прибираешь?

— Это, дяденька, для рифмы.

— Я вот тебе скажу рифму; тебя как зовут?

— Меня зовут... Федя.

Дядька говорит:

Если ты Федя,

То поймай в лесу медведя.

На медведе поезжай,

А с моей лошади слезай!

— Дяденька, я пошутил. Меня зовут не Федя, а Степан.

Дядька говорит:

Если ты Степан,

Садись на аэроплан.

На аэроплане и летай,

А с моей лошади слезай!

— Дяденька, это я пошутил. Меня зовут не Степан, а... Силантий.

Дядька говорит:

Если ты Силантий,

То с моей лошади слезантий!

— Что ты, дяденька, такого и слова нет — «слезантий».

— Хотя и нет, все равно слезай!

Шишу и пришлось слезть с телеги. Так ему и надо. Если тебя добрый человек везет на лошадке, ты сиди молча, а не придумывай всяких пустяков.

«Семь Симеонов — семь работников»
(Русская сказка. Обработка И. Карнауховой)

Жили-были семь братьев, семь Симеонов — семь работников. Вышли они раз на поле пашню пахать, хлеб засевать. В ту пору ехал мимо царь с воеводами, глянул на поле, увидал семь работников, удивился.

— Что, — говорит, — такое? На одном поле семь пахарей, росту одинакового и все на одно лицо. Разузнайте, кто такие эти работнички.

Побежали слуги царские, привели к царю семь Симеонов — семь работников.

— Ну, — говорит царь, — отвечайте: кто вы такие и какое дело делаете?

Отвечают ему молодцы:

— Мы семь братьев, семь Симеонов — семь работников. Пашем мы землю отцовскую и дедову, и каждый своему ремеслу обучен.

— Ну, — спрашивает царь, — кто же какому ремеслу обучен?

Старший говорит:

— Я могу построить железный столб от земли до неба.

Второй говорит:

— Я могу на тот столб полезть, во все стороны посмотреть, где что делается увидеть.

— Я, — третий говорит, — Симеон-мореход. Тяп-ляп-сделаю корабль, по морю поведу и под воду уведу.

— Я, — говорит четвёртый, — Симеон-стрелец. На лету муху из лука бью.

— Я — Симеон-звездочёт. Звёзды считаю, ни одной не потеряю.

— Я — Симеон-хлебороб. За один день вспашу и посею и урожай соберу.

— А ты кто такой будешь? — спрашивает царь Симеона-младшенького.

— А я, царь-батюшка, пляшу-пою, на дуде играю.

Вывернулся тут воевода царский:

— Ох, царь-батюшка! Работнички нам надобны. А плясуна-игреца вели прочь прогнать. Только зря хлеб едят да квас пьют».

— Пожалуй, — отвечает царь.

А Симеон-младшенький поклонился царю да и говорит:

— Дозволь мне, царь-батюшка, моё дело показать, на рожке песенку сыграть.

— Что ж, — говорит царь, — сыграй напоследок, да и вон из моего царства.

Взял тут Симеон-младшенький берестяной рожок, заиграл на нём плясовую русскую. Как пошёл тут народ плясать, резвы ножки переставляют! И царь пляшет, и бояре пляшут, и стражники пляшут. В стойлах лошади в пляс пошли. В хлевах коровушки притопывают. Петухи, куры приплясывают. А пуще всех царский воевода пляшет. С него пот катится, он бородой трясёт, уже слёзы по щекам льются.

Закричал тут царь:

— Перестань играть! Не могу плясать, нет больше моченьки.

Симеон-младшенький говорит:

— Отдыхайте, люди добрые, а ты, воевода, за злой язык, за недобрый глаз ещё попляши.

Тут весь народ успокоился; один воевода пляшет. До того плясал, что с ног упал. Лежит на земле, словно рыба на песке. Бросил Симеон-младшенький берестяной рожок.

— Вот, — говорит, — моё ремесло!

Ну, царь смеётся, а воевода зло затаил. Вот царь и говорит:

— Ну, старший Симеон, покажи своё мастерство!

Взял старший Симеон молот в пятнадцать пудов, сковал железный столб от земли до синего неба. Второй Симеон на тот столб полез, во все стороны поглядывает. Царь ему кричит:

— Говори, что видишь?

Отвечает второй Симеон:

— Вижу — на море корабли плавают, вижу — на поле хлеба зреют.

— А ещё что?

— Вижу — на море-океане, на острове Буяне, в золотом дворце Елена Прекрасная у окошка сидит, шёлковый ковёр ткёт.

— А она какова? — царь спрашивает.

— Такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Под косой месяц, на каждой волосине по жемчужине.

Захотел тут царь Елену Прекрасную себе в жёны добыть. Стал за ней сватов посылать. А злой воевода царя подучивает:

— Пошли, царь-батюшка, за Еленой Прекрасной семь Симеонов. Они великие искусники. А не привезут царевну прекрасную — вели их казнь казнить, головы рубить.

— Ну что ж, пошлю! — царь говорит.

И велел он семи Симеонам Елену Прекрасную добыть.

— А то, — говорит, — мой меч — ваши головы с плеч!

Что тут делать? Взял Симеон-мореход острый топор, тят-ляп — да и сделал корабль, снарядил, оснастил, на воду пустил. Нагрузили на корабль товары разные, подарки драгоценные, а царь велит воеводе злому с братьями ехать, за ними надсматривать. Побелел воевода, а делать нечего. Не рыл бы другому яму — сам бы в неё не попал.

Вот на корабль сели — паруса зашумели, волны заплескали, и поплыли по морю-океану к острову Буяну.

Долго ли, коротко ли ехали — до чужого царства доехали.

Пришли к Елене Прекрасной, принесли подарки драгоценные, стали за царя сватать.

Елена Прекрасная подарки принимает, рассматривает. А злой воевода ей на ухо шепчет:

— Не ходи, Елена Прекрасная, царь стар, не удал! В его царстве волки воют, медведи бродят.

Разгневалась Елена Прекрасная, сватов с глаз прогнала.

Что тут делать?

— Ну, братцы, — говорит Симеон-младшенький, — вы на корабль идите, паруса поднимите, в путь-дорогу готовьтесь, хлеба запасите, а моё дело царевну добыть.

Тут Симеон-хлебороб за один час морской песок вспахал, рожь посеял, урожай снял, на всю дорогу хлеба напёк. Корабль изготовили, стали Симеона-младшенького дожидать.

А Симеон-младшенький ко дворцу пошёл. Сидит Елена Прекрасная у окна, шёлковый ковёр ткёт. Сел Симеон-младшенький под окошечком на лавочку, такую речь повёл:

— Хорошо у вас на море-океане, на острове Буяне, а на Руси-матушке во сто крат лучше! У нас луга зелёные, реки синие! У нас поля бескрайние, у заводей берёзки белые, в лугах цветы лазоревые. У нас заря с зарёй сходится, месяц на небе звёзды пасёт. У нас росы медвяные, ручьи серебряные. Выйдет утром пастух на зелёный луг, заиграет в берестяной рожок — и не хочешь, а за ним пойдёшь...

Заиграл тут Симеон-младшенький в берестяной рожок. Вышла Елена Прекрасная на золотой порог. Симеон играет, сам по саду идёт, а Елена Прекрасная за ним вослед. Симеон через сад — и она через сад. Симеон через луг — и она через луг. Симеон на песок — и она на песок. Симеон на корабль — и она на корабль.

Тут братья быстренько сходни сбросили, корабль повернули, в сине море поплыли.

Перестал Симеон на рожке играть. Тут Елена Прекрасная очнулась — огляделась: кругом море-океан, далеко остров Буян.

Грянулась Елена Прекрасная о сосновый пол, полетела в небо голубой звездой, среди других звёзд затерялась. Выбежал тут Симеон-звездочёт, посчитал на небе звёзды ясные, нашёл звезду новую. Выбежал тут Симеон-стрелец, пустил в звезду золотую стрелу. Скатилась звезда на сосновый пол, снова стала Еленой Прекрасной. Говорит ей Симеон-младшенький:

— Не беги от нас, царевна, от нас никуда не спрячешься. Если так тебе тяжело с нами плыть, отвезём тебя лучше к тебе домой, пускай нам царь головы рубит.

Зажалела Елена Прекрасная Симеона-младшенького:

— Не дам тебе, Симеон-певец, за себя голову рубить. Поплыву лучше к старому царю.

Вот они день плывут и другой плывут. Симеон-младшенький от царевны на шаг не отходит. Елена Прекрасная с него глаз не сводит.

А злой воевода всё примечает, злое дело затевает.

Вот уже дом близок, берега видны. Созвал воевода братьев на палубу, подал им чару сладкого вина:

— Выпьем, братцы, за родную сторону!

Выпили братья сладкого вина, легли на палубе кто куда, заснули крепко-накрепко. Не разбудит их теперь ни гром, ни гроза, ни материнская слеза. Было в том вине сонное зелье подмешано.

Только Елена Прекрасная да Симеон-младшенький того вина не пили.

Вот доехали они до родной стороны. Спят старшие братья непробудным сном. Симеон-младшенький Елену Прекрасную к царю снаряжает. Оба плачут-рыдают, расставаться не хотят. Да чего поделаешь! Не давши слова — крепись, а давши слово — держись.

А злой воевода вперёд к царю побежал, ему в ноги пал:

— Царь-батюшка, Симеон-младшенький на тебя зло таит — тебя убить хочет, царевну себе забрать. Вели его казнить.

Только Симеон с царевной к царю пришли, царь царевну с почётом в терем проводил, а Симеона велел в тюрьму посадить.

Закричал Симеон-младшенький:

— Братцы мои, братцы, шесть Симеонов, выручайте своего младшенького!

Спят братья непробудным сном.

Симеона-младшенького в тюрьму бросили, железными цепями приковали.

Утром-светом повели Симеона-младшенького на лютую казнь. Царевна плачет, жемчужные слёзы льёт. Злой воевода ухмыляется.

Говорит Симеон-младшенький:

— Царь немилостивый, по старому обычаю исполни ты мою просьбу предсмертную: дозвожь последний раз на рожке сыграть.

Злой воевода голосом кричит:

— Не давай, царь-батюшка, не давай!

А царь говорит:

— Не нарушу обычаи дедовские. Играй, Симеон, да поскорей, заждались палачи, затупились у них острые мечи.

Заиграл младшенький в берестяной рожок.

Через горы, через доли рожок тот слышен, долетел рожок до корабля. Услыхали его и братья старшие. Пробудились, встрепенулись, говорят:

— Знать, беда стряслась с нашим младшеньким!

Побежали они к царскому дворцу. Только схватились палачи за острые мечи, хотели Симеону голову рубить, — отколь ни возмись, идут старшие братья: Симеон-плотник, Симеон-звездочёт, Симеон-хлебороб, Симеон-мореход, Симеон-стрелец, Симеон-кузнец.

Наступили они силой грозной на старого царя:

— Отпусти на волю нашего младшенького и отдай ему Елену Прекрасную!

Испугался царь и говорит:

— Берите братцы младшенького, да и царевну в придачу, она мне и так не нравится.

Забирайте её скорей.

Ну, и был тут пир на весь мир. Попили, поели, песен попели. Потом взял Симеон-младшенький свой рожок — плясовую песню завёл.

И царь пляшет, и царевна пляшет, и бояре пляшут, и боярышни. В стойлах лошади в пляс пошли. В хлевах коровушки притопывают. Петухи-куры приплясывают. А пуще всех воевода пляшет. До того плясал, что упал — и дух из него вон.

Свадьбу сыграли, за работу принялись. Симеон-плотник избы ставит; Симеон-хлебороб хлеб сеет; Симеон-мореход по морям плавает; Симеон-звездочёт звёздам счёт ведёт; Симеон-стрелец Русь бережёт; Симеон-кузнец подковы куёт... На всех работы на Руси-матушке хватит.

А Симеон-младшенький песни поёт, на рожке играет — всем душу веселит, работать помогает.

Солдатская загадка»

(из сборника А.Н. Афанасьева)

Шли солдаты прохожие, остановились у старушки на отдых. Попросили они попить да поесть, а старуха отзывается: «Детоньки, чем же я вас буду потчевать? У меня ничего нету». А у ней в печи был вареный петух – в горшке, под сковородой. Солдаты это дело смекнули; один – вороватый был! – вышел на двор, раздергал воз со снопами, воротился в избу и говорит: «Бабушка, а бабушка! Посмотри-ка, скот-ат у тебя хлеб ест». Старуха на двор, а солдаты тем времечком заглянули в печь, вынули из горшка петуха, на место его положили туда ошмёток, а петуха в суму спрятали. Пришла старуха: «Детоньки, миленьки! Не вы ли скота-то пустили? Почто же, детоньки, пакостите? Не надо, миленьки!» Солдаты помолчали-помолчали да опять попросили: «Дай же, бабушка, поесть нам!» – «Возьмите, детоньки, кваску да хлебца; будет с вас!»

И вздумала старуха похвалиться, что провела их, и загадала им загадку: «А что, детоньки, вы люди-то бывалые, всего видали; скажите-ка мне: ныне в Пенском, Черепенском, под Сковородным, здравствует ли Курухан Куруханович?» – «Нет, бабушка!» – «А кто же, детоньки, вместо его?» – «Да Липан Липанович». – «А где же Курухан Куруханович?» – «Да в Сумин город переведен, бабушка». После того ушли солдаты. Приезжает сын с поля, просит есть у старухи, а она ему: «Поди-ка сынок! Были у меня солдаты да просили закусить, а я им, дитяtko, загадала загадочку про петуха, что у меня в печи; они не сумели отгадать-то». – «Да какую ты, матушка, загадала им загадку?» – «А вот какую: в Пенском, Черепенском, под Сковородным, здравствует ли Курухан Куруханович? Они не отгадали. „Нет, бают, бабушка!“ – „Где же он, родимые?“ – „Да в Сумин город переведен“. А того и не знают, курвины дети, что у меня в горшке-то есть!» Заглянула в печь, ан петух-то улетел; только лапоть вытащила. «Ахти, дитяtko, обманули меня проклятые!» – «То-то, матушка! Солдата не проведешь, он – человек бывалый».

«У страха глаза велики»

(обработка О.И. Капицы)

Жили-были бабушка-старушка, внучка-хохотушка, курочка-клохтушка и мышка-норушка.

Каждый день ходили они за водой. У бабушки были ведра большие, у внучки — поменьше, у курочки — с огурчик, у мышки — с наперсточек.

Бабушка брала воду из колодца, внучка — из колоды, курочка — из лужицы, а мышка — из следа от поросычьего копытца.

Назад идут, у бабушки вода трё-ё-х, плё-ё-х! У внучки — трёх! плёх! У курочки — трёх-трёх! плёх-плёх! У мышки — трёх-трёх-трёх! плёх-плёх-плёх!

Вот раз наши водоносы пошли за водой. Воды набрали, идут домой через огород.

А в огороде яблонька росла, и на ней яблоки висели. А под яблонькой зайка сидел. Налетел на яблоньку ветерок, яблоньку качнул, яблочко хлоп — и зайке в лоб!

Прыгнул зайка, да прямо нашим водоносам под ноги.

Испугались они, ведра побросали и домой побежали. Бабушка на лавку упала, внучка за бабку спряталась, курочка на печку взлетела, а мышка под печку схоронилась. Бабка охает:

— Ох! Медведище меня чуть не задавил!

Внучка плачет:

— Бабушка, волк-то какой страшный на меня наскочил!

Курочка на печке кудахчет:

— Ко-ко-ко! Лиса ведь ко мне подкралась, чуть не сцапала!

А мышка из-под печки пищит:

— Котище-то какой усатый! Вот страху я натерпелась!

А зайка в лес прибежал, под кустик лег и думает:

«Вот страсти-то! Четыре охотника за мной гнались, и все с собаками; как только меня ноги унесли!»

Верно говорят: «У страха глаза велики: чего нет, и то видят».

«Хвосты»

(обработка О.И. Капицы)

Прошёл по лесу слух, что всем зверям будут хвосты раздавать. Полетели вороны во все стороны по лесам, по лугам и всем объявили:

— Приходите, все звери, завтра на большую поляну получать хвосты!

Заволновались звери: «Хвосты? Какие хвосты? Для чего хвосты?» Лисичка-сестричка говорит:

— Ну, какие никакие, а раз дают, надо брать; после разберём, для чего они!

С утра потянулись звери на большую поляну: кто бегом, кто скоком, кто летом — каждому хотелось хвост получить.

Зайчик тоже собрался идти — высунулся из норки и увидел, что дождик сильный идёт, так по мордочке и хлещет.

Испугался зайчик: «Забьёт меня дождик!» — спрятался в норку. Сидит и слышит: «тууп-тууп-тууп!». Земля трясётся, деревья трещат. Медведь идёт.

— Дедушка медведь, — просит зайчик, — будут там хвосты раздавать, захвати мне, пожалуйста, хвостик!

— Ладно, — говорит медведь, — коли не забуду — захвачу!

Ушёл медведь, а зайчика раздумье взяло: «Старик он, забудет про меня! Надо кого-нибудь ещё попросить!»

Слышит он: «туп-туп-туп!» — волк бежит.

Высунулся зайка и говорит:

— Дяденька волк, будешь себе хвост-то получать, — выбери и мне какой-нибудь!

— Ладно, — говорит волк, — принесу, если останется! — и убежал.

Сидит зайка в норке, слышит, трава шуршит, метётся — лисичка бежит.

«Надо и её попросить!» — думает зайчик.

— Лисичка-сестричка, будешь себе хвост-то получать, принеси и мне хвостик!

— Ладно, — говорит лиса, — принесу тебе, серому, хвостик, — и убежала.

И много же зверей собралось на поляну!

А там на больших сучьях хвосты развешаны, и каких там только нет: и пушистые-распушистые, и веером, и метёлкой, есть и гладкие, как палка, есть, кренделями, есть завитушками, и длинные, и короткие — ну всякие-превсякие!

Лиса первая поспела, выбрала себе хвост пушистый, мягкий, пошла домой довольная, вертит хвостом, любит.

Конь прибежал, выбрал себе хвост с длинными волосами. Ну и хвост!

Помахивает — до самого уха хватает! Хорошо им мух отгонять! Пошёл конь довольный.

Подошла корова, ей достался хвост длинный, как палка, с метелкой на конце. Довольна корова, по бокам машет, слепней отгоняет.

Белочка прыгала по головам, по плечам, схватила себе хвостик пушистый, красивый и ускакала.

Слон топтался, топтался, всем лапы оттоптал, копыта отдал, а когда подошел, то остался только хвост, как шнурочек, со щетиной на конце. Не понравился он слону, да ничего не сделаешь, другого нет больше!

Свинья подошла. Она поднять голову-то кверху не может, достала что пониже висело — хвост гладкий, как верёвочка. Не понравился он ей вначале. Завила она его колечком — какой красивый показался — лучше всех!

Медведь опоздал — по дороге на пчельник зашёл — пришёл, а хвостов-то уже нет! Нашел какой-то лоскутик кожи, обросший шерстью, и взял себе как хвост, — хо-рошо, что чёрный!

Все хвосты разобрали, идут звери домой.

Зайчик сидит в норке, ждёт не дожждётся, когда ему принесут хвостик, слышит медведь идёт.

— Дедушка медведь, принёс мне хвостик-то?

— Куда тебе там хвост! Я себе-то вон какой обрывок достал! — И ушёл.

Слышит зайчик — волк бежит.

— Дяденька волк, принёс ли мне хвостик-то?

— Не до тебя там, косо́й, было! Я себе насилу выбрал, потолще да попушистее, — сказал волк и убежал.

Бежит лисичка.

— Лисичка-сестричка, принесла ли мне хвостик? — спрашивает зайчик.

— Забыла, — говорит лиса. — А посмотри, какой я себе выбрала!

И начала лиса вертеть хвостом во все стороны. Обидно зайчику стало! Чуть не заплакал.

Вдруг слышит шум, лай, писк! Глядит — кошка с собакой ссорятся, у кого хвост лучше. Спорили, спорили, подрались.

Собака у кошки отгрызла кончик хвоста. Зайчик подхватил его, приставил к себе как хвост и доволен стал — хоть маленький, а всё-таки хвост!